

Выставка «Г.А.В. Траугот. Книга» Российская государственная детская библиотека

Слово «эпоха», примененное к союзу Г. А. В. Траугот — отца Георгия и двух братьев Александра и Валерия — далеко от преувеличения, имеет самый буквальный смысл. Эпоха, потому что их искусство длится заметно больше полувека, а благодаря Александру Георгиевичу делается и в наши дни. Еще потому, что в их рисовании сильно и в то же время легко соединились две большие традиции, отечественная и европейская — ленинградская школа иллюстрации, вышедшая из «серьезной» живописи, и французский импрессионизм. Невозможно считать Трауготов кем-то, кроме как нашим сокровищем и гордостью, но бессмысленно отрицать, что художники они всецело европейские.

Как без назиданий передать детям знание об искусстве, причем таком, которое считают началом искусства нового, современного? Как донести это через книги, не посвященные изобразительности — например, через сказки? Как сделать это, только лишь рисуя? Может быть, подражать великим французам? Но Трауготы всегда рисовали, да и многое другое делали только по-своему, их ни с кем не перепутать. Однако рисовали, хорошо помня о Рауле Дюфи или Анри Матиссе, и так сообщали о них зрителям. Когда зрители немного вырастут, они не просто встретят импрессионистов, а узнают их.

Трауготы, впрочем, очень рано «пришли к твердой мысли, что отдельной детской литературы не существует». «Даже когда мы были маленькие, больше смотрели книжки по искусству, чем так называемые детские, да и были ли они у нас?» Они не единственные, кто хорошо помнил об импрессионистах, и в этом смысле, как и во многих других, остаются художниками более чем ленинградскими. Здесь нет парадокса, но есть сложность и красота — французская живопись в этом городе удивительно и естественно стала не только французской. Владимир Лебедев, Николай Тырса, Николай Лапшин и другие мастера еще до книг Трауготов создали свой вариант импрессионизма, перенеся его во «взрослые» и в некоторые «детские» работы.

Иллюстраторы тогда шагнули к детям из самого серьезного, актуального на тот момент искусства, и были в чем-то свободнее многих последующих. Например, чаще сами придумывали книги и часто понимали художника как творца, равного автору текста. Эту ленинградскую линию также продолжили Трауготы. Это слышно в словах Александра Георгиевича: «Я не люблю слова “иллюстрировать”. Рисовать! Рисунок не должен быть прямой иллюстрацией к тексту. Автор становится твоим товарищем, с которым можно спорить, не соглашаться...» Многие, если не все книги Трауготов действительно выглядят столь же принадлежащими им, сколько руке писателя. Участниками такого разговора или присвоения становятся и зрители-читатели: «Художник и зритель — равные творцы. Художник проходит полпути, а зритель идет навстречу».

Первая книга, созданная в рамках союза, называлась «686 забавных превращений» (1958). В последующем искусстве Трауготов превращений произошло куда больше. Вместе с отцом брата сделали еще «Синюю бороду» Шарля Перро и «Новое платье короля» Ханса Кристиана Андерсена, а потом отец умер — ему было всего 58 лет. «Смерть папы стала для нас не просто трагедией. Было очень трудно». Имя Георгия Траугота осталось во всех дальнейших работах, которые всегда подписывались тремя инициалами. Но на самом деле рисование «в несколько рук» началось много раньше. Когда Александр и Валерий были совсем маленькими, они уже трудились вместе с родителями: «мы вообще работали всей семьей, как в средние века». К тому же, Александр «очень любит продолжать начатое. Когда Валерий что-нибудь рисовал, Шурик подскакивал и продолжал <...> Бывали отчаянные ссоры. Отец всегда говорил: “Если стало лучше, ничего в этом плохого нет”».

Превращения — тоже импрессионизм и тоже Ленинград/Петербург. Рассматривая работы Трауготов, думаешь о том, что здешние художники не случайно глубоко и тонко почувствовали эту школу. Вероятно, ее средства лучше всего отражают зыбкость и призрачность города, где нерушимая каменная стена теряется в бесплотном тумане, а стройный дворец выглядит миражом. Вот и у Трауготов часто в рамках одного рисунка линии, пятна, штрихи соединяются в узнаваемые черты — лицо, улицу, процессию — но словно на миг, для того чтобы в следующем рисунке превратиться в совсем иное. Мелодия без труда становится цветком, а предметы из андерсеновских сказок, конечно же, говорят.

Качество других работ — предельная интенсивность красок. «Мы любим брать его ярко», — говорили братья про цвет. Наконец, третьи выбиваются из сновидческой атмосферы своей динамичностью — скажем, редкая акварель Валерия Траугота, изображающая прыжок циркового тигра, или совсем уже редчайшие, недавно обнаруженные, неожиданные по технике ранние гравюры братьев, тоже «цирковые». Однако и это — новые превращения. Только что мы рассматривали призрачный лунный свет, а вот перед нами почти кричащие краски или веселые клоуны. Они тоже часть ленинградского/петербургского видения, мира — обманчивой, загадочной, но одновременно празднично-карнавальной среды. Если припомнить, когда-то в этом городе открыли первый в мире музей цирка.

Из редкостей еще необходимо упомянуть блокадные рисунки Александра Траугота. Братья были тогда разлучены — Валерия отправили в интернат, в Сибирь, Александра же после неудачной эвакуации вернули в Ленинград, где он пережил всю блокаду с родителями. От того времени остались эти невероятные свидетельства трагедии, катастрофы, которые, однако, прочно связаны с темой детства, ведь созданы они ребенком. Они связаны и с темой спасения, даже торжества, ведь ребенок выжил, а сегодня — наш современник. Вновь, как и очень часто в мире Трауготов, одно не просто перекликается с другим — в данном случае, противоречащим — но даже в него переходит.

В итоге кажется, что в мире этом никакого специального, требующего усилий соединения, о котором здесь было немало сказано, нет — есть цельность, нераздельность. Что-то не просто умеет превращаться в совсем иное, но чувствует себя в нем и живет, как оно. Нет взрослых и детских книг, а есть хорошая литература. В действительности нет французской или ленинградской живописи, есть искусство как таковое. «Я считаю, если говорить “французская живопись”, надо говорить и “французская математика”», — говорит Александр Георгиевич. Сам этот творческий союз — пример целого, где каждая часть, обладая собственным характером и судьбой, выражается в общем деле даже после физического ухода.

Иллюстраторы двух столиц, в сущности, до сих пор представляют две разные художественные школы, традиции, семьи. Каждая словно бы не до конца, чуть издала воспринимает другую — в конечном счете именно как *другую*. То же относится и к зрителям. Разумеется, в Москве знают Трауготов, но как давно здесь видели их живые, а среди них и редкие работы — то, что видят в Петербурге? В наши дни, когда так остро чувствуются границы между людьми, первая за много лет персональная выставка Г. А. В. Траугот в Москве — опыт нераздельности в искусстве. И художники, и ценители увидят произведения тех, кто давно считается легендой, эпохой Петербурга. Увидят творчество, которое просто существует, радуется и радуется, независимо от того, кто ты, откуда, сколько тебе лет. Хотелось бы наблюдать это часто. Хорошо, что наблюдаем сейчас.

Кирилл Захаров